Август Альквист: трудности этнолингвистического перехода

Загребин Алексей Егорович, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);
Институт этнологии и антропологии РАН (Москва); zagrebae72@gmail.com

Будучи одной из ключевых фигур в финском, финно-угорском и урало-алтайском языкознании второй половины XIX в., Август Энгельбрехт Альквист (1826—1889) долго оставался в тени получивших большую известность исследователей.

А. Э. Альквист сформировался как ученый, политический деятель и литератор под влиянием движения национального пробуждения финнов. Его наставниками были основатель финской философской школы И. В. Снелльман, составитель карело-финского эпоса «Калевала» Э. Лённрот и поэт-романтик И. Л. Рунеберг. Свои первые экспедиции в 1845—1855 гг. А. Альквист провел, записывая рунические стихи, лирические песни, собирая образцы речи и делая этнографические наблюдения среди финнов, карел, води, эстонцев и вепсов. Следующие три года он был в Среднем Поволжье и Западной Сибири, изучая языки и образ жизни чувашей, мордвы, марийцев, манси и хантов. Передовые идеи и опыт полевых исследований позволили ему в 1863 г. стать профессором финского языка и литературы Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе. Его книга о «культурных словах» в западно-финских языках еще более сблизила лингвистику и этнографию. За заслуги в деле изучения финно-угорских народов А. Альквист был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Продолжая полевые исследования в 1877 и 1880 гг., он вновь побывал у хантов и манси, издав свои этнографические записки отдельным томом. Вместе с единомышленниками — О. Доннером и Й. Р. Аспелином — в 1883 г. учредил Финно-Угорское Общество, а в следующем году был избран ректором университета в Гельсингфорсе.

А. Э. Альквист стал связующим звеном между прошлым и будущим финно-угорских исследований и одним из создателей финского литературного языка. Не менее значимы его этнографические наблюдения, способствовавшие выделению финно-угорской этнографии в самостоятельную отрасль научного знания.

Ключевые слова: А. Э. Альквист, фольклор, финский язык, экспедиции, финно-угорские народы

AUGUST AHLQVIST: DIFFICULTIES OF ETHNOLINGUISTIC TRANSITION

Aleksei Ye. Zagrebin, Udmurt Institute of the History, Language and Literature UdmFRC Ubr of the RAS (Izhevsk);
Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow); zagrebae72@gmail.com

August Engelbrecht Ahlqvist (1826—1889) was a key figure in the Finnish, Finno-Ugric and Ural-Altaic linguistics of the second half of the 19th century who remained in the shadow of other well-known researchers for a long time.

A. Ahlqvist formed as a scholar, political figure and writer under the influence of the Finnish national awakening movement. J. V. Snellman, the founder of the Finnish philosophy school, E. Lönnroth, the compiler of the epic poem “Kalevala”, and the romantic poet J. L. Runeberg were among his mentors. A. Ahlqvist spent his first expeditions in 1845—1855 taking down runic poems, lyrical songs, collecting speech samples, and making ethnographic observations among the Finns, Karelians, Vods, Estonians and Veps. For the next three years he studied the languages and lifestyles of the Chuvash, Mordvins, Mari, Mansi, and Khants in the Middle Volga region and Western Siberia. His advanced ideas and field work experience allowed him to become a Professor of the Finnish language and literature at the Imperial Alexander University in Helsingfors in 1863. His book on “cultural words” in the Western Finnish languages brought linguistics and ethnography closer together. A. Ahlqvist was elected a corresponding member of the Imperial Saint-Petersburg Academy of Sciences in recognition of his achievements in the study of the Finno-Ugric peoples. Continuing his field research in 1877 and 1880, he visited the Khants and Mansi again, publishing his ethnographic notes in a separate volume. A. Ahlqvist founded the Finno-Ugric Society together with like-minded O. Donner and J. R. Aspelin in 1883, and the following year he was elected the Rector of the University in Helsingfors.

A. Ahlqvist linked the past and future of the Finno-Ugric studies; he became one of the Finnish literary language creators. No less significant are A. Ahlqvist's ethnographic observations, which contributed to establishing Finno-Ugric ethnography as an academic discipline.

Keywords: A. E. Ahlqvist, folklore, Finnish language, expedition, Finno-Ugric people

В истории науки одно из любопытных состояний связано с периодами, когда «старое» еще не ушло окончательно, а «новое» уже начинало проявлять себя. Не менее интересно в таких случаях, кто персонально брал на себя функцию интеллектуального транзита, чья наследие первопроходцев, с которыми, как правило, был знаком лично, и одновременно открывал дорогу будущей генерации, к становлению которой сам прикладывал усилия. Думается, что в финно-угорском языкознании такой фигурой, обеспечившей переход от романтики первых экспедиций к практикам младограмматизма, был А. Э. Альквист. В свое время ему удалось направить общественные настроения, взаимоотношения ученого мира с властью и собственно научные поиски по пути развития родного языка и изучения родственных финнам языков и народов.

Проблемы строительства финского литературного языка, изучения заимствованных слов в лексике западно-финских языков, борьбы за социальное равенство финского языка не раз рассматривались в историографической литературе [Itkonen 1961; Korhonen 1986; Stipa 1990; Хайду 1985]. Целью настоящей статьи является знакомство с идеями, трудами, размышлениями, суждениями человека, находившегося внутри вышеназванных процессов и во многом их инициировавших.

Рождение фенномана

Август (при крещении Карл Август Энгельбрехт) Альквист родился 7 августа 1826 г. в историческом центре Саво(лакса) г. Куопио. Драма рождения состояла в том, что его родителями были недавний выпускник Финляндского кадетского корпуса подпоручик И. М. Норденстам и служанка М. А. Альквист (урожденная Киннунен) [Korhonen 1986: 79]. Генерал-майор Норденстам вернулся в родные места, когда юный Альквист достиг совершеннолетия. Они встретятся в Гельсингфорсе в Императорском Александровском университете, где отец — ветеран Кавказской войны и нюландский губернатор — будет вице-канцлером, а его внебрачный сын — студентом и поэтом.

До этого момента жизнь А. Альквиста была связана с озерным краем, где среди множества водоемов главенствовало о. Сайма, а на осеннюю и зимнюю ярмарки в Куопио съезжались крестьяне из Саво, Карелии и даже из Хямя. В такие дни шведоязычный город наполнялся финской речью — языком его матери, там же он первый раз услышал русские слова и выражения от бродячих торговцев и барышников, продающих лошадей.

Революция в его сознании, очевидно, случилась в 1843 г., когда в школе появился новый директор — И. В. Снелльман, набирающий популярность философ, в недавнем прошлом лидер студенческих союзов Финляндии, вернувшийся из длительной поездки по университетам Скандинавии и Центральной Европы. Его приезд в провинциальный город был связан с невозможностью самореализации в Гельсингфорсе, где Снелльману отказали в месте редактора столичной газеты, тогда как в г. Куопио открылась перспектива издания своей периодики. В январе 1844 г. увидел свет первый номер газеты «*Saima*» [Карху 1979: 225]. Среди ее авторов был старшеклассник Альквист, писавший под псевдонимом А. Оксанен. Выбор финского имени в газете, выходившей на шведском языке, был сродни личному манифесту. Хотя и редактор в своих колонках прямо или косвенно отмечал, что духовный водораздел в финляндском обществе проходит в области языка: знатные и образованные говорят на своем и о своем, а простой народ — по-своему и про себя. Нужно было искать общие факторы, объединяющие жителей Великого княжества Финляндского, поэтому одновременно с городской газетой они начали печатать «*Maamiehen Ystävä*» («Друг крестьянина») на финском языке [Fewster 2006: 116—120]. Говоря о пользе образования, новых методах ведения сельского хозяйства, редактор исподволь транслировал мысли о необходимости скорейшего освобождения от оков прошлого, развития промышленности и современных общественных институтов.

А. Альквист в целом разделял идеи директора; единственно, его смущали те пункты «программы», что вызвали к решительному отказу от старого в пользу всепобеждающего прогресса. Ему были ближе чувства одноклассника Снелльмана по учебе в Императорской академии г. Або И. Л. Рунеберга, высказанные в поэмах «Крестьянин Пааво» и «Охотники на лосей», воспевавших неутомимую борьбу людей за выживание в суровом северном крае. Сюжеты о финнах, «сеющих и пахущих» на не самой плодородной земле, не раз появятся в собственных поэтических опытах Альквиста [Säkeniä 1863].

Почвенные чувства А. Альквиста укрепятся еще больше после знакомства в 1844 г. с другим университетским приятелем Снелльмана — доктором Э. Лённротом из Каяани, составившим карело-финский эпос «Калевала» и антологию финской народной лирики «Кантелетар» на основе полевых записей, сделанных им за годы практики в местностях, где на многие версты он был единственным врачевателем своих рунопевцев — крестьян и промысловиков [Карху 1996]. Весной следующего года он поедет с матерью на каникулы в живущий патриархальными устоями г. Липери, а в августе, перед отъездом на учебу, будет с товарищами совершенствовать финский язык, живя в деревне.

В 1847 г. А. Аלקвист с единомышленниками Д. Е. Д. Европеусом и П. Тикканеном начнет выпускать газету на финском языке «Suometar», в которой будет рассказывать читателям — простым финнам о достоинствах и богатствах страны, об истории ее областей, о поездках за древними рунами, одновременно занимаясь словотворчеством и разрабатывая нормы литературного языка¹. Пройдут годы, но теплое отношение к родному краю не ослабнет, и в 1852 г. А. Оксанен напишет «Песню Саво» как гимн во славу родной земли и земляков. Сделанный в юности выбор в пользу финской идентичности предопределяет политические взгляды Аלקвиста, ставшего одним из лидеров фенноманского движения. Правда, «вторая половина» его мировоззрения выразится в позитивном отношении к роли шведского языка и культуры в становлении будущей нации, с чем согласятся не все.

В поисках своей «Калевалы»

Осенью 1845 г. А. Аלקвист был зачислен в Императорский Александровский университет и по праву, которому следовало большинство младшекурсников, начал с изучения классических языков и истории. Однако большая часть его студенческой жизни проходила среди товарищей из землячеств Саво и Карелии, умы которых во многом занимал волшебный мир «Калевалы». Так, например, они решили представлять сюжеты о Вайнямёйнене и Ильмаринене на ежегодном празднике землячеств [Haltsonen 1955: 106]. В первый же год учебы в Гельсингфорсе он был принят в члены Финского Литературного Общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), поощрявшего деятельность, направленную на изучение народной поэзии и народного быта [Vuorela 1957: 6]. Летние каникулы 1846 г. Аלקвист провел в своей первой экспедиции, получив стипендию Общества в 50 руб. серебром и отправившись собирать фольклор сначала в Остроботнии, затем в Северной Карелии.

Исписав по пути несколько объемистых записных книжек, он сосредоточился на поиске рунических стихов, сказок, плачей и местных легенд². Новаторством А. Аלקвиста было то, что в ходе записи он не отвергал современной лирики, что бытовала параллельно с древней народнопоэтической традицией. Желая убедиться в безошибочности сделанных записей, двадцатилетний собиратель отправил заполненные полевые тетради Э. Лённроту, в котором видел не только первооткрывателя «Калевалы», но скорее старшего товарища, способного указать ему верную дорогу. В сопроводительном письме к посылке Аלקвист писал, что не уверен, будет ли какая-нибудь польза от его стараний для поэтической литературы, но счастье уже в том, что он стал более знаком с языком и самим народом, а «слух стал больше склонен к стихотворению» [Haltsonen 1955: 107]. В 1847 г. он поехал на встречу с Лённротом, чтобы познакомиться с жизнью в Кайнуу и пограничной Карелии, — туда, где черпал вдохновение наставник. Может быть, там, еще студентом, он задумался об истоках и природе калевальских рун, чему в зрелые годы посвятил отдельную работу³. Тем летом Аלקвист посетил и своего поэтического кумира — И. Л. Рунеберга, незадолго до того получившего место учителя в городской школе Борго.

Так три университетских друга — И. В. Снелльман, Э. Лённрот и И. Л. Рунеберг, ставшие «отцами-основателями» формирующейся нации, каждый по-своему повлияли на А. Аלקвиста. Он был их «резким, порывистым и противоречивым» продолжением, в котором боролись такие разные черты характера, как неутомимая трудоспособность, идейная преданность фенномании, порой переходящая в неготовность

¹ В пореформенные годы среди сельского населения и финноязычной разночинной интеллигенции выросло влияние фенноманов, выступавших за равноправие финского и шведского языков в системе образования и в государственном управлении. Фенноманское движение пользовалось пониманием имперских властей, опасавшихся укрепления прошведских настроений в приграничном регионе. В те годы в финляндском политическом лексиконе появился особый термин — «Suomettarelaisuus» (от Suometar — Финляндка, или Дочь Финляндии), отражающий идеологию «умиротворения» и гражданского порядка, понимаемых как долг благодарности короне за предоставленные финнам возможности национального развития [Liikanen 1995: 350—354].

² В компании со своим студенческим товарищем А. Аспелундом в июне 1846 г. А. Аלקвист отплыл на лодке из г. Липери, где по существу началась полевая работа. Как он запишет в дневнике: «На закате я сижу на берегу реки Тайпале, приехав в Комперо из Кеттулы, где молодая Мария Ниранен поет свои песни и плачи. Ночь прекрасна. На этих берегах я приобрел самое лучшее свое имение, эти леса, эти прекрасные луга. Полдень. Я в доме любезного хозяина лесопилки Сёдерхольма. Итак, это был первый день, когда я собирал стихи. Удачи тебе, Август!». Цит. по: [Haltsonen 1954: 18].

³ В последнем труде А. Аלקвист высказался по двум ключевым дискуссионным вопросам — о месте зарождения калевальского рунического стиха и о его природе. По его мнению, именно Карелия является родиной эпических сказаний, а сами руны имеют скорее исторический, нежели мифологический характер. См.: [Ahlgqvist 1886; Алквист 2016].

принять иную точку зрения, и стремление к единению всех заинтересованных в развитии родного края. Окончательно научные предпочтения Альквиста определились в 1850 г., когда в университете была учреждена кафедра финского языка и литературы, а профессорскую должность получил оваянный славой путешественник М. А. Кастрен, значительную часть жизни проведший в экспедициях к родственным финнам народам [Rapola 1952: 16]. В лекциях Кастрена открывались неведомые пространства Севера, где на урало-алтайских перекрестках предстояло искать следы прародины и изначальной культуры.

Восприняв идею дальних научных поездок как важную перспективу, А. Альквист тем не менее сосредоточился на истории трудов пионеров финского языкознания. В 1852 г. историографическая канва привела его к защите лицензиатской работы о языковых материалах, собранных в период, предшествовавший научной деятельности основателя финляндских гуманитарных наук профессора Х. Г. Портана [Ahlqvist 1854]. Далее ему вновь захотелось пройти «калевальскими тропами», и весной 1854 г. Альквист отправился записывать народные сказания в Выборгской губернии и далее в Ингерманландии.

Апробируя методику полевой работы, лето 1854 г. А. Альквист провел в д. Каттила (русс. Котлы), где занимался изучением языка и обычаев води. Там ему посчастливилось застать в живых пожилую рунопевицу — Анну Ивановну, с которой работал пионер венгерского финно-угроведения А. Регули [Haltsonen 1958: 270]. В 1844 г. к ней приезжал Э. Лённрот. Следуя его примеру, Альквист стремился побывать и в соседних уездах с компактным эстонским населением, язык и народная поэзия которых могли дать ему необходимый сравнительный материал⁴. Проехав через Ревель в южную Эстонию, он остановился в университетском городе Дерпте, погрузившись в фольклорные собрания библиотеки и общаясь с членами местного ученого общества. Среди них был доктор Ф. Р. Крейцвальд — составитель эстонского эпоса «Калевипоэг» [Haltsonen 1961: 64]. На Рождество Альквист приехал в Санкт-Петербург, где надеялся встретиться со своим выдающимся земляком — академиком А. И. Шёгреном, почти сорок лет назад начавшим изучать финноязычное население Ингерманландии [Haltsonen 1956: 208]. Но Шёгрэн скоропостижно скончался. Молодому ученому было бы трудно найти другого такого эксперта, если бы не знакомство с академиком А. Шифнером, начавшим в то время заниматься экспедиционными материалами М. А. Кастрена. Еще одной сложной задачей, что поставил себе Альквист, значилось совершенствование русского языка, без которого дальнейшее движение на Восток было бы крайне затруднительно.

Следующей зимой А. Альквист вновь был у вожан. В результате им была написана и опубликована «Водская грамматика с текстами и словарем» [Ahlqvist 1856]. Весной 1855 г. он ездил к шелтозерским и шимозерским вепсам, собрав грамматические, текстовые и словарные материалы, дополнявшие сведения, почерпнутые здесь до него Э. Лённротом. В судьбе самого Лённрота тогда произошел крутой поворот, заставивший его расстаться с профессией врача, покинуть ставший родным г. Кааяни, чтобы принять кафедру финского языка и литературы, освободившуюся после кончины в 1853 г. измученного чухоткой профессора Кастрена. Тем временем Альквист проехал от вепсов в Петрозаводск, где, помимо приведения в порядок своих записей, серьезно практиковал русский язык [Korhonen 1986: 80]. К осени 1855 г. он вернулся в Гельсингфорс: там уже пошло на спад военное напряжение, вызванное присутствием англо-французского флота в балтийской акватории.

В преддверии тридцатилетия А. Альквист начал готовиться к дальнему научному путешествию в те пределы, куда до него добирались только пионеры финно-угроведения — А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен и А. Регули. Дополнительную уверенность внушала Александровская университетская стипендия, которая позволяла в течение трех лет вести исследования на широком поле, вплоть до Урала и Сибири.

По восточной России

Время хождения «тропой Лённрота» было исчерпано; понимая это, А. Альквист был обязан выстроить собственную парадигму полевых работ, а по большому счету, всю дальнейшую научную карьеру. Отправной мотивацией для него стал своеобразный «анти-Кастрен», когда дорога к профессиональному признанию как исследователя родственных финнам народов должна была пролечь через области, не затронутые либо фрагментарно рассмотренные легендарным ученым⁵. Одной из таких лакун был про-

⁴ Надеясь на денежную субсидию от университета, А. Альквист писал вице-канцлеру И. М. Норденстаму, что он в целом успешно изучал «южно-чудский, или водский, язык», но поскольку последний обнаруживает более тесные связи с эстонским, нежели с финским, его целью является более глубокое знакомство с эстонским языком, необходимым для дальнейшего изучения водского. После двух-трех месяцев в Эстонии он рассчитывает вернуться к работе среди вожан. См.: [Haltsonen 1961: 63].

⁵ А. Альквист отмечал: «При более точном изучении цели моей поездки показалось, что исследование чувашского языка должно стать моей первоочередной задачей. Происхождение чувашей покрыто туманностью, и в то

блемный вопрос о принадлежности чувашского языка и происхождении народа, будировавшийся в науке с эпохи великих академических экспедиций XVIII в. и актуализировавшийся вновь. И хотя в диссертации немецкого языковеда В. Шотта, атрибутировавшего язык чувашей как тюркский, казалось бы, была поставлена академическая точка, для финского ученого оставалось еще много неясного [Левитская 2014: 13—14]. Он хотел воспользоваться тем преимуществом, что предоставляла стипендия, — лично наблюдать и собирать.

Чувашская часть экспедиции А. Аלקвиста по восточной России началась с Казани, куда он прибыл 21 марта 1856 г. и где с помощью одного церковного служителя-чуваша приступил к освоению лексического состава чувашского языка. В последних числах мая, переправившись через Волгу, он приехал в чувашские земли. Местом базовой стоянки на полтора месяца стало с. Ишаки, находившееся на стыке четырех уездов — Чебоксарского, Цивильского, Ядринского и Козьмодемьянского. По мнению знатоков, именно здесь язык чувашей сохранился в наиболее чистом виде. Рано наступившая летняя жара и бытовые условия, к которым он не привык, усугублялись отсутствием общества, поэтому в конце июля Аלקвист отбыл в г. Козьмодемьянск. Ему повезло, что в этом уездном городе жили два человека, в совершенстве знавшие чувашский язык, — переводчик земского суда, первый чувашский историк, писатель и фольклорист С. М. Михайлов и священник Громов, составивший рукописный словарь чувашского языка. Занимаясь с ними, Аלקвист параллельно записывал образцы горномарийского языка, ареал распространения которого здесь совпадал с чувашским [Ahlqvist 1857: 238]. В конце сентября он вернулся в Казань, чтобы упорядочить полевые материалы и глубже вникнуть в особенности языка местных татар. Думается, что это компаративное обстоятельство не в последнюю очередь укрепило его точку зрения о тюркском происхождении чувашского языка. Его совсем не смущало то, что в этнографическом отношении чуваша были явно более близки к соседним финноязычным народам, нежели чем к казанским татарам⁶. В дальнейшем он не оставлял тему, связанную с языковыми влияниями в региональном измерении, касалось ли это тюркских следов в марийском или в языках мордвы.

Зимой 1857 г. А. Аלקвист начал мордовский этап экспедиции, но прежде задержался в Буинском уезде, дополнив свои материалы образцами низового диалекта чувашского языка. Далее маршрут поездки вел к мордве-мокше в Пензенскую и Тамбовскую губернии. Выбор им мокшанской тематики был обусловлен не только малой изученностью этого народа, но, возможно, и тем, что преемник А. И. Шёгрен по академической кафедре финских языков Ф. И. Видеман в это время разрабатывал темы, связанные с эрзянской грамматикой [Setälä 1905: 5]. В середине сентября Аלקвист вернулся в Казань, чтобы в спокойной обстановке разобрать свои записи и подготовиться к долгой дороге в Сибирь. Но он не мог уехать, не разрешив для себя еще один спорный вопрос. Давно уже было известно, что в Тетюшском уезде Казанской губернии живет небольшой народ, именующий себя мордвой-каратаями. К ним в марте 1858 г. и направился Аלקвист. Он надеялся на месте прояснить, как люди, говорящие на татарском языке и исповедующие православие, тем не менее считают себя мордвой [Мокшин 1993: 127]. По его мнению, сложившемуся в ходе наблюдений, каратаи являлись крещеными татарами, но впоследствии возобладала точка зрения, указывающая на их мордовское происхождение.

В конце мая 1858 г. А. Аלקвист выехал из Казани в Тобольск. Его целью было изучение диалекта, бытующего в селениях манси на Пелыме и Сосьве. Затем с сентября по ноябрь он работал среди северных хантов в окрестностях Берёзова, откуда предпринял долгий и тяжелый переход до Обдорска. Но, не найдя существенных отличий в интересующих хантыйских говорах, и, очевидно, устав от бездорожья, холода и отсутствия привычной пищи, он вернулся в Берёзов. Более месяца занял обратный путь, и к началу нового 1859 г. Аלקвист приехал в Гельсингфорс.

время как часть ученых причисляет их к финно-язычным народам, другие выдают их за настоящих соплеменников тюрков, не вдаваясь при этом в более подробное освещение языка, который больше, чем что-либо другое, может доказать родство. Данное обстоятельство и мое желание разрешить этот спорный вопрос послужат достаточным аргументом для моего оправдания, если я слишком отклонился от своей главной задачи. Но еще больше меня оправдывает то, что изучение чувашского языка связано с исследованием финских языков. Мы знаем, что чувашский язык граничит с севера с черемисским языком, а на юге с мордовскими языками. К тому же я еще раз имел возможность убедиться в том, что чувашский повлиял как на мордовский, так и на черемисский языки, и сам подвергся их влиянию. Итак, я могу утверждать, что изучением чувашского языка во время своей поездки я «убью двух зайцев одним выстрелом (ударом)». Цит. по: [Винклер 2009: 115—116].

⁶ А. Аלקвист писал: «Раньше я вместе с Кастреном допускал, что чуваша — отатарившиеся черемисы. Тому причиной были большие сходства в традициях, в образе жизни и внешнем виде. Но они могут быть и влиянием длительного совместного проживания. Более близкое соприкосновение языков обоих народов было бы здесь решающим, но оно характеризуется множеством общих слов, являющихся по происхождению не финскими, а тюркскими, каковым является и весь чувашский язык». Цит. по: [Винклер 2009: 121].

Три года научного кочевания от берегов Эмайыги до Волги и Обской губы сделали его, пожалуй, самым осведомленным среди ученых, интересующихся языком и культурой родственных финнам и венграм народов России. Тем более, к тому времени из жизни уже ушли пионеры финно-угорских исследований — А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен и А. Регули. Сознывая важность скорейшей обработки собранных материалов, А. Альквист в короткие сроки подготовил и опубликовал работу, посвященную глагольной системе мокшанского языка, что позволило ему занять вакантную доцентуру по кафедре финского языка и литературы [Ahlqvist 1859a]. В том же году он выпустил сборник путевых наблюдений и воспоминаний об экспедициях по России, ставший настольной книгой для нескольких поколений финно-угроведов, готовящихся к полевым выездам [Ahlqvist 1859b]. Еще год ушел на анализ мокшанских собраний, завершившийся изданием монографии, удостоенной в 1862 г. академической Демидовской премии II степени [Ahlqvist 1861].

Культурные слова

Признание ученым сообществом сделанных А. Альквистом публикаций не сняло у него стойкого ощущения, что методологическое обеспечение устарело, особенно в части обработки полевых материалов. Он более не хотел опираться на стихийный эмпиризм и компаративные штудии, свойственные прежним временам, когда нужно было открывать и сепарировать крупные этноязыковые массивы. Нужны были инструменты, позволяющие проводить изучение собранных данных на качественно ином уровне, с выходом на новые горизонты познания. Филологические импульсы младограмматизма находились тогда в зачаточном виде, но идеи структуризации народных языков уже активно продвигались вперед процессами нациестроительства в Центральной и Восточной Европе [Kemiläinen 1989]. Фенноманскому мироощущению Альквиста импонировало то, что в Копенгагене, Берлине, Праге и Будапеште, где он побывал в 1861—1862 гг., наука и политика плотно сходились в вопросах языка и этничности. Ему запомнились слова поддержки, сказанные Я. Гриммом в отношении требований равных прав для чешского и венгерского языков [Tervonen 1985: 76]. Опыт борьбы за свой язык и трудные поиски идентичности сближали финнов и «малые европейские нации» — это он тоже отчетливо понял.

Будапешт стал тем знаковым местом, где А. Альквист не просто встретил друзей и единомышленников, он вновь стал учиться. Общение с П. Хунфалви и молодым немецким лингвистом Й. Буденцем, приехавшим в венгерскую столицу заниматься сравнительным урало-алтайским языкознанием, скорректировало его взгляды на проблему определения родства народов. Знакомясь с трудами М. Фогеля, Ш. Дьярмати и других первопроходцев финно-угорских исследований, Альквист серьезно погрузился в вопросы историографии [Ahlqvist 1863a]. Как пишущий человек, он также хотел лучше узнать венгерских литераторов, чьи тексты владеют умами родственного народа, хотя, в свойственной ему критической манере, не преминул отметить избыток внешних эффектов в прочитанных произведениях [Tervonen 1985: 76]. Новые обстоятельства не позволили ему надолго оторваться от alma mater — Э. Лённрот объявил, что по истечении десятилетнего срока он оставит кафедру финского языка и литературы в надежде, что преемником станет его младший друг. В январе 1863 г. Альквист представил работу на соискание профессуры, посвятив ее анализу финской поэтики с лингвистической точки зрения [Ahlqvist 1863b]. В июле того же года он был утвержден профессором Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе.

А. Альквист наверняка сознавал, что успех кафедры во многом будет зависеть от его способности в относительно короткие сроки поставить ее на единый дисциплинарный уровень с устоявшимися университетскими институтами. Сделать это одними только рассказами о далеких и опасных путешествиях в поисках «золотого века» финнов или лекциями сугубо филологического свойства было бы затруднительно. Нужен был каркас, надежно связывающий мифологическое былое с этнографическим настоящим. В арсенале современной ему гуманитаристики имелись инструменты, позволяющие взглянуть на финно-угорский материал как на предмет, достойный теоретических конструкций.

Германия, лидировавшая в те годы по качеству моделей осмысления природных явлений и человеческих проявлений, не обманула ожидания А. Альквиста. Возможно, свою роль здесь сыграл обмен мнениями с Й. Буденцем, чьим учителем в Гёттингенском университете был Т. Бенфей — известный санскритолог и автор теории заимствований [Коккьяра 1960: 320—321]. В фольклористике, равно как и в других науках о духе, постепенно утверждалась идея миграции как основного двигателя прогресса. Перемещение людей по территории, рождение новых языков культуры тесно увязывались с тем наследием, что сохранялось в устной форме и материализовывалось в деятельности. Обретая землю, этнические группы не только эксплуатировали обнаруженные ресурсы, но одновременно осваивали занимаемое пространство с лингвистической точки зрения, опираясь на опыт прежней жизни и знания, полученные

в том числе от прежних насельников края. Если «школа Бенфея» по понятным причинам сосредотачивалась на возможностях перемещения сказочных сюжетов из Индии, то Альквиста больше занимал вопрос лексического сопровождения миграций применительно к этнокультурной истории финно-угорских народов.

Определив ареал своим размышлениям в контактной зоне западно-финских языков, А. Альквист мог опереться как на личный полевой опыт, так и на собрания нескольких поколений знатоков народной речи. Он был уверен, что заимствования культурных слов и понятий из одного языка в другой чаще всего свидетельствуют о переходе конкретных вещей, традиций и впечатлений от одного народа к другому. Таким образом, анализ лингвистических данных открывал окно возможностей для этнографии и в целом способствовал историческому пониманию изучаемого предмета. Опубликовав в первом варианте свою работу на шведском языке, через несколько лет Альквист издал ее немецкоязычную версию, получившую признание в ученых кругах [Ahlqvist 1871, 1875; Майков 1877]. Свидетельством тому стало избрание Альквиста членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по историко-филологическому отделению. В продолжение темы он предложил Финскому Научному Обществу специальный проект по «культурным словам» в тексте «Калевалы», реализованный в виде каталога, подобного тому, что впоследствии выпустит А. О. Хейкель по «вещному миру» карело-финского эпоса [Vuorela 1977: 40]. Альквист продолжил поиск взаимосвязей «слов, занятий и вещей» в обширной статье, посвященной обско-угорской лексической картине мира, опубликованной в журнале Финно-Угорского Общества после смерти ученого [Ahlqvist 1890]. Тем самым он сделал еще один шаг в сторону междисциплинарного понимания сущности этнических исследований, в которых изучение языка служит не самоцелью, а проводником к истории и культуре народа.

Сад родного языка

И. Кохтамяки, один из первых исследователей научного и литературного труда А. Альквиста, озаглавил свою книгу «Суровый садовник» [Kohtamäki 1956]. Дело в том, что, став профессором финского языка и литературы, Альквист принял на себя тяжкое бремя «законодателя», в сфере ответственности которого находился голос его народа. Для того, чтобы язык земли, на котором веками говорили лишь податные сословия, зазвучал в университете, в Сейме и на сцене, предстояло выполнить колоссальную по объему работу по его нормированию и обогащению лексического состава⁷. Приходилось быть судьей, отменяя неуместные диалектизмы и борясь с отжившими формами. Случалось спорить с теми, кто не разделял его мнения, и критиковать произведения, авторы которых не следовали установлениям. Безусловно, имели место перегибы, когда в борьбе за правила и стройность языковых рядов гибли не успешные укрепить победы.

Малоприятным эпизодом взаимоотношений с пишущими по-фински литераторами стала его затянувшаяся дискуссия с А. Киви, роман которого «Семеро братьев», несмотря на жесткие, местами язвительные оценки А. Альквиста, вскоре был признан классикой финской литературы⁸. Являя примеры обращения с народным языком, сам Альквист выпускал поэтические сборники, нередко печатался как журналист, переводил на финский Шиллера и Мольера [Schiefer 1988—1989: 292]. В 1871 г. по его инициативе был основан первый финский филологический журнал «Kieletär», а в 1876 г. — Общество родного языка (Kotikiellen Seura), объединившее всех радетелей «финскости», независимо от того, на каком языке они думали [Korhonen 1986: 84]. Эпоха либеральных реформ в империи способствовала общественной и педагогической деятельности Альквиста, увидевшего и использовавшего те возможности, что предоставляла ему должность профессора.

За годы работы в университете А. Альквист смог существенно укрепить авторитет кафедры финского языка и литературы за счет как повышения общей востребованности читаемых курсов, так и личных усилий. В частности, его дисциплины удалось перевести из разряда «по выбору» в группу обязательных

⁷ Обращаясь к образному языку народного слова, заключенному в финских пословицах и поговорках, А. Альквист, постепенно подходя к вопросам лингвистической структуризации, даже ввел в финский язык само понятие «структура» (rakennus) [Ahlqvist 1869a, б].

⁸ Оставаясь приверженцем словотворчества и выбора сюжетов, заложенных И. Л. Рунебергом, А. Альквист не принял идей реалистической литературы, настаивая, что финский народ, представленный А. Киви, в действительности совсем иной, точнее, такой, как его предки — добрые, благородные, трудолюбивые и нестяжательные поселяне, живущие плодами своей небогатой, но удивительно красивой земли. В своих оценках Альквист разошелся с И. В. Снелльманом, участвовавшим в написании предисловия к роману «Семеро братьев». См.: [Карху 1979: 236].

к изучению⁹. Ощукая себя финским филологом, он старался преподавать в сравнительном ключе, соотнося «финское» с «финно-угорским», чаще всего с западно-финскими этнолингвистическими параллелями [Ahlqvist 1869в]. Лекции по грамматике финского языка Альквист чередовал с занятиями по калевальской метрике, лексикологии прибалтийско-финских языков и спецкурсами по ливскому, вепсскому и мансийскому языкам. Иллюстрируя процесс словообразования, он использовал данные индоевропейской сравнительной лингвистики и финно-угорской этнографии. Этому эрудитскому подходу следовали затем его ученики [Joki 1977: 58]. Многие из них, по примеру учителя, успешно соединяли языковедение с этнографическими наблюдениями.

Снова в дорогу

Приближаясь к своему пятидесятилетию, А. Альквист решил вновь побывать в тех местах, где испытал наибольшие трудности в полевой работе, связанные с перемещением по тайге и тундре, и где приобрел опыт преодоления тех препятствий, что лежали на пути к информантам. В 1877 г. он работал среди северных хантов вблизи Берёзова и Обдорска, а также в д. Сартынья у сосьвинских манси. Его спутниками были студенты Э. Бём и Э. Э. Бергрот. В тот раз им не удалось добраться до поселений кондинских манси, и в 1880 г. Альквист решился на третью экспедицию в Сибирь в компании молодых ученых — зоолога Н. Сундмана и ботаника Э. А. Вайнио [Korhonen 1986: 84—85]. В ближайших планах была обработка и публикация обско-угорских материалов, подготовка которых велась им весьма интенсивно. По своему обыкновению, Альквист подготовил и опубликовал на немецком языке описание обско-угорских путешествий, опираясь на свои письма, путевые заметки и этнографические наблюдения, рассчитанные на широкий круг читателей¹⁰. Северо-хантыйские грамматические, текстовые и словарные материалы также увидели свет при жизни ученого, а мансийские собрания Альквиста вышли из печати в редакции финского лингвиста и фольклориста Ю. Вихмана [Ahlqvist 1891, 1894]. В самый разгар работы судьба внесла коррективы в, казалось, устоявшуюся жизнь профессора.

В 1884 г. коллеги избрали А. Альквиста ректором университета, вновь погрузив его в административную работу и политику. Тем не менее он рассчитывал по завершении ректорского срока отправиться маршрутом своей молодости к родственным народам по Восточной России. Не случилось. Пневмония забрала его поздней осенью 1889 года.

Литература

Алквист 1999 — *Алквист А.* Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с немец. и публик. Н. В. Лукиной. Томск, 1999. {*Ahlqvist A.* Among the Khanty and Mansi. Travel records and ethnographic notes / Transl. from German and published by N. V. Lukina. Tomsk, 1999.}

Алквист 2016 — *Алквист А.* Карельский характер «Калевалы»: на основании самой «Калевалы» и по другим источникам / пер. с фин. С. И. Зайкова. Петрозаводск, 2016. {*Ahlqvist A.* Karelian character of “Kalevala”: based on the “Kalevala” itself and other sources / Transl. from Finnish S. I. Zaikov. Petrozavodsk, 2016.}

Винклер 2009 — *Винклер Э.* Август Альквист как исследователь чувашского языка // Чувашский гуманитарный вестник. 2009, 4. С. 113—123. {*Winkler E.* August Ahlqvist as a researcher of the Chuvash language // Chuvash humanitarian Bulletin. 2009, 4. P. 113—123.}

Карху 1979 — *Карху Э. Г.* История литературы Финляндии от истоков до конца XIX в. Л., 1979. {*Karhu E. G.* History of Finnish literature from the beginning to the end of 19th century. Leningrad, 1979.}

Карху 1996 — *Карху Э. Г.* Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. {*Karhu E. G.* Elias Lönnrot. Life and work. Petrozavodsk, 1996.}

Клинге 1990 — *Клинге М.* Очерк истории Финляндии. Кеурву, 1990. {*Klinge M.* The outline of the History of Finland. Keuruu, 1990.}

⁹ В 1863 г. решением императора Александра II финский язык был признан языком органов управления и суда на территории Великого княжества Финляндского, что знаменовало начало эры языкового равноправия и подъема финской письменной культуры. См.: [Клинге 1990: 78].

¹⁰ В фундаментальном этнографическом описании, состоящем из двенадцати глав, А. Альквист рассказывает о жизнеустройстве обско-угорских народов, отдельно выделяя такие темы, как: личные имена, топонимия, физический облик, брак, верования, исчисление времени, народное искусство. В дневниковых записях им рассмотрены самые разные сюжеты из быта хантов и манси, включая наблюдения о структуре питания, медвежьей культуре и шаманизме, народной драме и музыке. См.: [Ahlqvist 1883; Алквист 1999].

Коккьяра 1960 — *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе. М., 1960. {*Cocchiara G.* History of folklore studies in Europe. M., 1960.}

Левитская 2014 — *Левитская Л. С.* Историческая фонетика чувашского языка. Чебоксары, 2014. {*Levitskaya L. S.* Historical phonetics of the Chuvash language. Cheboksary, 2014.}

Майков 1877 — *Майков Л. Н.* О древней культуре западных финнов по данным их языка: По сочинению д-ра Августа Алквиста «Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры». СПб., 1877. {*Maikov L. N.* About the ancient culture of the Western Finns according to their language: according to the Dr. August Ahlqvist's essay "Cultural words in the West-Finnic languages. Contribution to the history of ancient Finnish culture". St. Petersburg, 1877.}

Мокшин 1993 — *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. {*Mokshin N. F.* Mordva through the eyes of foreign and Russian travelers. Saransk, 1993.}

Хайду 1985 — *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. {*Hajdú P.* Uralic languages and people. Moscow, 1985.}

Ahlqvist 1854 — *Ahlqvist A.* Bidrag till Finska språkforskningens histori före Porthan. Helsingfors, 1854.

Ahlqvist 1856 — *Ahlqvist A.* Votisk Grammatik jemte Språkprof och Ordförteckning. Helsingfors, 1856.

Ahlqvist 1857 — *Ahlqvist A.* Ensimmäinen ja toinen matka-kertomus // Suomi. 1857. S. 215—252.

Ahlqvist 1859a — *Ahlqvist A.* Läran om Verbet i Mordvinskans Mokscha-Dialekt. Helsingfors, 1859.

Ahlqvist 1859b — *Ahlqvist A.* Muistelmia matkoilta Venäjällä vuosina 1854—1858. Helsingissä, 1859.

Ahlqvist 1861 — *Ahlqvist A.* Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis / Forschungen auf der Gebiete der Ural-Altaischen Sprachen 1. St.-Petersburg, 1861.

Ahlqvist 1863a — *Ahlqvist A.* Om ungerska språkets förvändtskap med Finskan. Helsingfors, 1863.

Ahlqvist 1863b — *Ahlqvist A.* Suomalainen runous-oppi kielelliseltä kannalta. Yliopistollinen väitöskirja. Helsingissä, 1863.

Ahlqvist 1869a — *Ahlqvist A.* Valittuja Suomen kansan Sananlaskuja. Nuorisoa varten sana- ja asiaselitysten kanssa. Helsingissä, 1869.

Ahlqvist 1869b — *Ahlqvist A.* Suomen kielen rakennus, vertaavia kieliopillisia tutkimuksia. I. Nominien synty ja taivutus. Suomalainen runo-oppi. Helsingissä, 1869.

Ahlqvist 1869c — *Ahlqvist A.* Suomalainen murteiskirja tahi lukemisia Viron, Karjalan, Vätjän, Vepsän ja Liivin kielillä suomalaisten sanastojen kanssa. Helsingissä, 1869.

Ahlqvist 1871 — *Ahlqvist A.* De vestfinska språkens kulturord. Ett lingvistiskt bidrag till Finnarnes äldre kulturhistoria. Helsingfors, 1871.

Ahlqvist 1875 — *Ahlqvist A.* Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beiträge zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875.

Ahlqvist 1883 — *Ahlqvist A.* Unter Wogulen und Ostjaken. Reisebriefe und ethnographische Mitteilungen. Helsingfors, 1883.

Ahlqvist 1886 — *Ahlqvist A.* Tutkimuksia Kalevalan tekstissä ja tämän tarkastusta. Helsingissä, 1886.

Ahlqvist 1890 — *Ahlqvist A.* Über Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1890. Vol. 7. S. 1—22.

Ahlqvist 1891 — *Ahlqvist A.* Wogulische Wörterverzeichnis. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 2. Helsingfors, 1891.

Ahlqvist 1894 — Aug. Ahlqvist's wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik / Hrsg. von Y. Wichmann. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 7. Helsingfors, 1894.

Fewster 2006 — *Fewster D.* Vision of the Past. Nationalism and the Construction of Early Finnish History. Helsinki, 2006.

Haltsonen 1954 — *Haltsonen S.* August Ahlqvistin ensimmäisistä keruumatkoista // Virittäjä. 1954. Vol. 58. S. 17—26.

Haltsonen 1955 — *Haltsonen S.* August Ahlqvistin kansatieteellisestä tutkimustyöstä // Kalevalaseuran vuosikirja. 1955. Vol. 35. S. 105—121.

Haltsonen 1956 — *Haltsonen S. A. J.* Sjögren ja kansatietous // Kalevalaseuran vuosikirja. 1956. Vol. 36. S. 204—222.

Haltsonen 1958 — *Haltsonen S.* Reguli Antal vót gyűjtése 1841-ből // Nyelvtudományi közlemények. 1958. Vol. 60. Ol. 269—274.

Haltsonen 1961 — *Haltsonen S.* August Ahlqvistin Vätjän ja Viron matkat v. 1854—1855 // Virittäjä. 1961. Vol. 65. S. 62—72.

Itkonen 1961 — *Itkonen E.* Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta. Tietolipas. Vol. 20. Helsinki, 1961.

Joki 1977 — *Joki A. J.* August Ahlqvist fennougristina // Kielen ja kulttuurin kentältä. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja. 1977. Vol. 25. S. 51—62.

Kemiläinen 1989 — *Kemiläinen A.* Die Grundfaktoren des europäischen und finnischen Nationalismus im neunzehnten Jahrhundert // Finns and Hungarians between East and West. Helsinki, 1989. S. 57—74.

Kohtamäki 1956 — *Kohtamäki I.* Ankara puutarhuri. August Ahlqvist suomen kielen ja kirjallisuuden arvostelijana. Helsinki, 1956.

Korhonen 1986 — *Korhonen M.* Finno-Ugrian language studies in Finland 1828—1918. Helsinki, 1986.

Liikanen 1995 — *Liikanen I.* Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja suomalaisen puolueen synty. Helsinki, 1995.

Rapola 1952 — *Rapola M. M. A.* Castrén as a university teacher // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1952. Vol. 56. P. 13—18.

Säkeniä 1863 — Säkeniä. Kokous runoelmia A. Oksaselta. Ensimmäinen parvi. Toinen lisätty painos. Kuopiossa, 1863.

Schiefer 1988—1989 — *Schiefer E. F.* In memoriam August Engelbert Ahlqvist (1826—1889) // *Finnisch-Ugrischen Mitteilungen*. 1988—1989. Bd. 12/13. S. 291—301.

Setälä 1905 — *Setälä E. N.* Dem Andenken Ferdinand Johann Wiedemann's // *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1905. Bd. 5. S. 1—10.

Stipa 1990 — *Stipa G. J.* Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 206. Helsinki, 1990.

Tervonen 1985 — *Tervonen V.* 19th-Century Pioneers of Cultural Relations // *Friends and Relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations*. Budapest, 1985. P. 52—98.

Vuorela 1957 — *Vuorela T.* The Finnish Literature Society // *Studia Fennica*. 1957. Vol. 7. P. 3—15.

Vuorela 1977 — *Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920. Helsinki, 1977.